

# В ловушке

## Сонгцэн Кэйлаш Садхир

В кланах и монастыре жизнь шла своим чередом, но Сонгцэн не находил себе места, чувствуя, как что-то, сломавшееся в их с Яшви отношениях, до сих пор не удавалось исправить. Дело было не в ней, и не в нем. Сонгцэн больше всего мечтал о том, чтобы уснуть, обнимая Яшви и чувствуя, что у них все хорошо. Они не конфликтовали, просто ему казалось, что она его избегала. И сейчас, не находя ответов, он охотно вызвался быть послом, чтобы передать предложение от деда союзникам в южной части китайского Тибета, решив после этого потратить время на поездку к находившему неподалеку Кангринбоche, который толпы туристов из Европы называли Кайласом. Сонгцэн считал, что оставшись со своими мыслями в священном месте. Он считал, что его физическая подготовка позволит ему пройти кору быстрее, чем за два дня. Он отправил письмо его Величеству, в котором предупредил, что задержится дня на четыре.

Сонгцэн отпустил пятерых Кобр, которые его сопровождали в поездке к союзникам, потому что считал, что в паломничество должен ехать один, налегке и в одежде, в которой он ничем бы не отличался от тысяч прочих паломников. Он расстался с друзьями в деревне, от которой нанял машину, чтобы доехать до одного из гестхаусов, где останавливались туристы в начале своего пути за Просветлением. Эта часть пути прошли без приключений. Сонгцэн переночевал в гестхаусе и спустился к завтраку. Один из работников мотеля показалось его узнал, но лицо этого парня было для принца аспидов лишь смутно знакомым, а может быть и незнакомым вовсе. Ханец, свободно говорил на непали, но не тигр. Его имя, Ло Лунван, Сонгцэну тоже ничего не говорило. Но парень сказал, что не раз помогал Белым Тиграм, которые приезжали в эти края, и предложил недорого найти машину, чтобы добраться ближе к священной горе. Сонгцэн согласился, и был неправ.

Он понял, что ошибся, когда сидевший на заднем сидении второй турист поднес к его лицу вонючую тряпку. Сонгцэн постарался вырваться, водитель едва установил машину, которую занесло на дороге, но попытки принца Кобр сопротивляться закончились ничем: закружилась голова, и даже прилетевшего по голове удара он не почувствовал.

Он очнулся от резкой боли в плече и настойчивого жужжания. Руки были связаны за спиной, в поясицу крепко упиралось чье-то колено.

- Добро пожаловать, ваше Высочество, – произнес на путунхуа мужской голос. Японский акцент, не обещавший ничего хорошего. – Потерпите, Джеки не лучший тату мастер, но нам же не для красоты нужно.

Сонгцэн рванулся, но затем услышал щелчок и почувствовал, как в его затылок уперлось что-то холодное и металлическое, скорее всего пистолет.

- Спасибо, Джеки, – продолжил японец. – Колдовать ты теперь не сможешь, и прав из нас тот, у кого есть пистолет.

Связанные руки болели и затекли. Сонгцэн не мог поднять лицо от вонявшего плесенью матраса. Но страшнее всего было то, что он действительно не чувствовал свою энергию. Он не мог заставить кожу покрыться языками пламени, чтобы сжечь веревки, не мог нащупать металл пистолета энергией телекинеза. Не мог даже поставить ментальный блок, если вдруг его враг умел читать мысли. Плечо горело, будто с него содрали кожу.

- Что вам от меня нужно? – спросил Сонгцэн, не поднимая головы.

- От тебя? Ничего, - фыркнул японец. – То, что мне нужно, мне дадут твой папа, твой дедушка, может быть твоя мама. Тебя сильно любят, маленький принц?

От этих слов по коже Сонгцэна пробежали мурашки. Он был единственным наследником своего клана, но очень надеялся, что какими бы ни были требования похитителей, никто не будет поступаться интересами Тигров или Кобр ради него. Сонгцэн был готов умереть за любой из кланов родителей, и надеялся, что тот, кто будет решать его судьбу, такую возможность ему даст. Он рванулся, чтобы обернуться и увидеть лицо японца. Выстрелит – на здоровье, это будет лучшим вариантом. Но тот не выстрелил, отстранился и рассмеялся.

В комнате было четыре человека. Тот, кого называли Джеки, был похож непальца. Он собрал свои инструменты и вышел из комнаты. Остальные трое – японцы. Окон не было, матрас, на котором лежал Сонгцэн, находился на деревянном полу. В углу стоял старый деревянный стол, у стены – низкая лавка. Под потолком были деревянные стропила, но стены – каменные, покрытые облупившейся некогда белой краской. Воняло сыростью, было холодно. Сонгцэн был в одних штанах, без рубашки и куртки. Впервые за очень много лет принц Кобр понял, что можно просто мерзнуть, не имея возможности согреться энергией Огня, пробудив её в Манипуре и позволив течь по всему телу. Сонгцэн чувствовал, что от холода сводило мышцы, и он не мог унять противную дрожь во всем теле.

- Клань не ведут переговоры с шантажистами. Вы можете убить меня сразу, это ничего не изменит, - сказал Сонгцэн.

Японец убрал пистолет за пояс, затем подошел и с силой пнул Сонгцэна ногой по ребрам.

- Не торопись, у нас еще будет время получить удовольствие от общения с тобой, - сказал главный из похитителей. – Ребят, добавьте.

Двое других продолжили избивать Сонгцэна, который не мог даже закрыть голову из-за связанных рук, в которые сейчас сильно впивались веревки. Он мог лишь прикрыть колено одной ноги стопой другой, заодно извернувшись, чтобы защитить пах, а дальше только извиваться навстречу удару и выдыхать в тот момент, когда что-то снова прилетало. Это имело слишком мало общего с набивками во время тренировок.

- Пока достаточно, согрелся? – с издевкой спросил японец. – Мы скоро вернемся.

И все трое вышли из комнаты. Сонгцэн услышал щелчок замка и стук затвора. Дверь

была железной. Во рту оставался соленый вкус собственной крови, болело все, мешая нормально вздохнуть. Сонгцэн надеялся, что его найдут живым и смогут вытащить, не ведя переговоров. Возможности сбежать он пока не видел. Раскалывалась голова. Плечо горело, будто было обожжено.

На потолке горел тусклый светильник. Сонгцэн не мог понять, который сейчас час, день или ночь, и сколько времени прошло с того момента, как он остался один. Он чувствовал животный страх, оставшись в ловушке и без возможности использовать магию. И был зол на самого себя за то, что сейчас это чувствовал. Не уверенное желание погибнуть за родной клан, не спокойную сосредоточенность опытного воина клана, который ищет выход в любой ситуации, не смирение буддиста, считающего, что путь умнее идущего, даже если он вел к Кангринбоче, а привел в ловушку, а примитивный страх и противную жалость к себе, такую сильную, что хотелось расплакаться. Из-за боли, холода и ощущения полной безысходности.

Сонгцэн подумал о Яшви. Возможно, он её не увидит больше никогда. Вот бы открыть глаза и понять, что все это – только безумный страшный сон, все болит после очередной тренировки, а он находится в резиденции Кобр, и Яшви крепко спит рядом. Но реальной была холодная пахнувшая плесенью комната. Сонгцэн только сейчас понял, что находится рядом с Кангринбоче, священная гора мешала прорицателям, его не увидят на мать, ни даже мастер Радж. Он перекатился на другой бок, пытаясь найти хоть какое-то положение, где будет не так больно и более удобно, но затекшие ребра немели, а следы от побоев заставляли с ужасом думать о том, что надзиратели скоро вернуться.

Бесконечность спустя Сонгэн услышал, что кто-то открывает дверь. Он дернулся, хотя хотел бы скрыть этот страх. Зашел один из надзирателей, тех, что его или по команде вожака. Второй маячил в дверях, но держал в руках пистолет.

- Слушайся меня, - сказал японец на путунхуа, но с очень сильным акцентом. – Если не слушаться – он тебя не убьет, он прострелит ногу. И перевяжет, чтобы ты не умер. Если будешь слушаться, я завяжу тебе руки впереди. Кивни, если ты будешь слушаться.

Сонгцэн с трудом сел на матрасе. Он не смотрел на японцев, уставился в точку на стене перед собой, слушая угрозы. Он им верил безоговорочно, поэтому кивнул. Японец сдержал слово: он разрезал ножом веревки, затем достал наручники и надел их на Сонгцэна, скрепив его руки уже впереди. После этого в его комнате появилась миска тсампы, бутылка с водой и ведро, а надзиратели снова ушли, заперев дверь.

---

### **Сонгцэн Кэйлаш Садхир**

Сонгцэн понимал, что иногда проваливался в сон, хотя ему казалось, что боль не давала ему спать почти никогда. Ему постоянно было холодно. Он заставлял себя есть, хотя считал, что нет ничего ужаснее тсампы. Но силы могли пригодиться, если появится хоть какой-то шанс хоть что-то изменить. Он подумал, что будет легче, если он будет делать хоть что-то. Даже со скованными руками можно было вспомнить упражнения, которые помогли бы согреться, но первая же попытка качать пресс закончилась осознанием, что у него слишком сильно болели ребра. Они могли

быть сломаны, но, не чувствуя ауру, Сонгцэн не мог сказать это точно. И не мог себе помочь. Провалившись в короткий сон, он увидел, как в образе льва бросается на того, кто напал на Яшви, но по ошибке убивает её. И хотя бы от этого кошмара можно было просто проснуться. Он сел по-турецки и протер лицо онемевшими от холода и наручников руками.

Сны были помощниками. Любой кошмар был предупреждением, попыткой достучаться до сознания. И Сонгцэну показалось, что это предостережение он понял: оказавшись в плену, он дал слишком много воли слабости и страхам, будто бросил повод взбесившейся лошади, и сейчас сходил с ума вместо того, чтобы делать хоть что-то.

Он принялся думать, чтобы для начала просто проговорить, что знал о ситуации. Он был где-то в районе Кангринбоचे, видел троих похитителей, которых могло быть больше в этом здании. Строение было старым, каменным, наверное одним из тех, что традиционно строили на Тибете. Похитители были японцами, и пусть не было точных причин связать их с Асакой, такая связь была вероятной. Сонгцэн не мог понять, отслеживали его от союзников, или китаец в гестхаусе узнал его случайно и сдал похитителям. Японцы знали о нем и его семье, они как-то были связаны с кланами. Или связан был тот, кто его предал. Кобрам из отряда, сопровождавшего его в поезде, он полностью доверял. Поручение от деда, ставшее причиной поездки, было довольно простым: клан Грифов хотел, чтобы Кобры обучили нескольких их воинов основам магии Воды. Сонгцэну нужно было договориться на интересную для его клана цену, а для этого он должен был показать союзникам свое мастерство. У Грифов не было причин его предавать, только если кто-то из гостей в клане, кто был на его выступлении, мог передать японцам, где искать принца. Сейчас этот вариант казался Сонгцэну самым вероятным.

Он встал и стал ходить по комнате, чтобы размять ноги. Было больно двигаться и дышать, но Сонгцэн считал, что двигаться необходимо. И так немного теплее. Его постоянно знобило, а сейчас еще и болело горло. Это был абсурд: он не только мерз, но и похоже простыл. Небеса, он знал, что нужно направить на воду голубую энергию, а затем выпить несколько глотков, чтобы горло прошло, лет, наверное, с четырех. В крайнем случае, с шести. А сейчас уже давно не требовалась даже вода, нарушения в ауре он замечал еще до того, как могли возникнуть симптомы.

За дверью снова раздался шум, затем зашли оба надзирателя и их начальник.

- Сядь на место, - приказал главный из японцев.

Сонгцэн зло посмотрел в его сторону, но затем выполнил приказ, стиснув зубы, чтобы не морщиться от боли в ребрах во время этого.

- Ты можешь стоять, только когда ты здесь один. При нас ты должен сидеть и не шевелиться, понял? – резко сказал японец.

Вся натура Сонгцэна требовала огрызнуться. Он безропотно выполнял указания старших в обоих кланах, хотя как воин служил только Кобрам. Он безусловно согласился бы подчиниться любому из старших мастеров в Линь Ян Шо, но сейчас ответить согласием означало предать себя. Огрызнуться – снова быть избитым.

Сонгцэн поежился, но промолчал.

- Я тебя не слышу, - жестко сказал японец, подходя ближе. – Смелый что ли? – он вцепился в волосы Сонгцэна, чтобы поднять его лицо и повернуть к себе.

Сонгцэн подумал, что сейчас мог встать на одно колено и нанести удар по лицу японца обеими руками, благо они были сцеплены спереди. Он мог выбить тому пару зубов, а может быть даже отправить в нокаут, попав в подбородок – сложно было сказать, насколько умелым был противник в боевых искусствах. У принца аспидов удар был поставлен прекрасно. Но без магии он бы оказался в битве еще с двумя противниками, а его руки оставались бы скованными. Он не успеет выбежать в прикрытую, но не закрытую на замок дверь. В здании мог быть еще кто-то. Поэтому этот удар дал бы ему только возможность показать характер, но стоил бы как минимум нового избиения. Его не убьют, а останутся в плену живым, но с новыми переломами, было хуже, чем оставаться в плену на прежних условиях.

- Я понял, - ответил Сонгцэн, глядя на японца.

Тот влепил принцу пощечину, затем резко отпустил волосы, стараясь отшвырнуть Сонгцэна к стене. Тот шумно вздохнул, стараясь не вскрикнуть от боли в ребрах, но удержал равновесие и не упал.

- Ты так смешно стараешься держать лицо, маленький принц, как будто от этого что-то зависит, - японец усмехнулся. – Тебе больно. Тебе холодно. Ты хочешь к папе с мамой. Хотя, говорят, ты женат? К жене или к папе с мамой?

Сонгцэн смотрел на точку на стене перед собой и молчал. Он старался сосредоточиться на дыхании. Его собственные нервы были тем конем, которого нужно взять под контроль, чтобы не расшибиться насмерть вместе с ним. Японец многое о нем знал. Тот, кто передал информацию, был в курсе дел в кланах.

- Я думал, ты тут тренироваться начнешь. Слишком больно? Столько времени впустую тратится, да? Если тебе принести стопку самых занудных энциклопедий, ты просто будешь их читать, или вызубришь наизусть? Всю жизнь учишься и тренируешься, правильный маленький принц?

На счет шесть вдох, на счет шесть выдох. Японец будто хотел забраться ему под кожу своими вопросами, но Сонгцэн старался запомнить из его слов только то, что помогло бы выйти на предателя. Если будет шанс тому отомстить. Кто-то знал его до экзамена или общался с теми, кто видел его во дворце Кобр с детства. Но был в курсе дел клана с того времени, как Сонгцэн женился.

- А еще можно было бы заняться каллиграфией, даже со скованными руками. Вдруг ты выйдешь отсюда живым, и это будет иметь смысл? Чего молчишь, маленький принц? А если не выйдешь, жена твоя будет достаточно гордой, чтобы в родную деревню вернуться? Или останется у аспидов в служанках?

Глаза Сонгцэна сверкнули недобрым блеском, и он закусил разбитую губу. Но не из-за того, что его задели слова о Яшви: круг подозреваемых резко сузился до тех, кто получал информацию из дворцовых сплетен. Получал раньше, и не имел доступа к

ней сейчас. Для остальных, по мнению Сонгцэна, было очевидным, что случись что с ним, Непал Яшви не увидит уже никогда, удган уйдет в степь со своим кланом.

- Не верь женщинам так слепо, мальчик. Если ты не выйдешь отсюда живым, она найдет того, кто её утешит, не пропадет, - снова усмехнулся японец. — Ты не очень разговорчивый, продолжим в другой раз.

После этого вся троица снова ушла. Сонгцэн расправил руками взъерошенные волосы и лег на матрас, отвернувшись к стене.

---